

К счастью, вдохнул он не так уж много дурмана, и тот не успел подействовать в полную силу. Цзян Есюэ тайком нажал на скрытый механизм, пытаясь заставить кресло сорваться с места.

Когда-то в это кресло были встроены тайные орудия, но после бесчисленных схваток механизмы пришли в негодность. Цзян Есюэ, еще не успевший тогда потерять память, просто не находил времени на починку, да и полагал, что больше в нем не нуждается.

Кто бы мог подумать, что все обернется именно так.

Главарь бандитов оказался силен: он легко преградил путь и нанес удар ладонью. Как назло, именно в этот момент механизм окончательно заклинило.

Цзян Есюэ, не имея возможности уклониться, изо всех сил оттолкнулся руками от кресла и рухнул на землю.

Мощеная камнем дорога, хоть зима и миновала, оставалась ледяной, но даже этот холод не мог заглушить дурман, затуманивающий сознание.

Цзян Есюэ обхватил голову руками, перед глазамиплыли размытые пятна, которые никак не удавалось прогнать. Он попытался призвать духовную энергию, но та не слушалась.

Видя, как главарь приближается с торжествующей ухмылкой, Цзян Есюэ ощутил леденящий ужас.

Неужели я так и закончу?

Цзян Есюэ, неужели ты совершил столько зла, что теперь не встретишь ни одной доброй души?

Он никогда не верил в истории о том, как герои спасают красавиц, но теперь сам оказался в подобной ситуации.

В тот самый миг, когда грубые, сальные руки главаря были готовы коснуться его, перед глазами внезапно мелькнула белая тень. Куда отлетел бандит, он не видел.

Он смотрел на человека в белых одеждах с серебряным узором, и в затуманенном мозгу наконец пробился лучик ясности, но вместе с ним пришло и невыносимое страдание.

Раздался отчетливый звук капли — это были слезы, которые он не мог сдержать. Цзян Есюэ, ошарашенный и полубезумный, беспорядочно вытирал лицо, пока в голове боролись тьма и остатки сознания.

Одной рукой он сжимал голову, другой упирался в землю, впиваясь ногтями в ладони до крови.

Сквозь пелену он увидел, что человек в белом не ушел, а присел рядом и спросил холодным тоном:

— С тобой все в порядке?

Словно голос этого человека помог ему победить дурман, Цзян Есюэ поднял глаза. Его редкие алые зрачки, подернутые влагой слез, больше не излучали ярости — в них читалось лишь беззащитное отчаяние.

— ...Маленький... не уходи...

Он опустил руку, которой держался за голову, пытаясь схватить белое видение, желая убедиться, что это не галлюцинация, но, так и не дотянувшись, бессильно уронил руку.

Он покачал головой и прошептал:

— Нет... нельзя трогать его... он... он ненавидит меня... он будет... будет недоволен...

Мужун Чуи, увидев, что незнакомец тянется к нему, хотел было оттолкнуть его, но тот внезапно опустил руку и начал бормотать что-то невнятное. Мужун Чуи почувствовал странное раздражение.

Подавив брезгливость, он спросил:

— Эй, очнись. Где ты живешь? Есть ли у тебя слуги? Я помогу их найти.

Наконец собравшись с мыслями, Цзян Есюэ опустил голову. Его голос дрожал и был хриплым, но он постарался придать ему спокойствия:

— Все... все хорошо. Не стоит беспокойства, господин Мужун.

— Ну и ладно.

Мужун Чуи не стал настаивать. Увидев, что тот пришел в себя, он поднялся, собираясь уйти, но вдруг, вспомнив что-то, обернулся и посмотрел на него сверху вниз.

— Кому были адресованы твои слова? Отвечай честно, у меня припасено еще немало Воды Искупления.

Цзян Есюэ, казалось, был крайне чувствителен к этому названию — при упоминании Воды Искупления его тело заметно дрогнуло. Очевидно, он смертельно боялся этого средства, так как его голос, только что ставший ровнее, вновь сорвался на панику:

— Я... я говорил о своей покойной жене. Она не любила меня, не позволяла к себе прикасаться. Если бы я посмел коснуться ее, она была бы очень недовольна.

— Ты... ты принял меня за свою жену!

Услышав это объяснение, Мужун Чуи пожалел, что вообще задал вопрос.

Цзян Есюэ продолжил:

— Она была искусна в боевых искусствах, а я — лишь бесполезный калека. В дороге всякое случается, и она всегда появлялась, когда мне грозила опасность. Простите, господин, я был не в себе и позволил себе лишнее.

Произнося слова благодарности человеку, который совсем недавно довел его до невыносимых мук, Цзян Есюэ сам удивлялся своему терпению.

— И правда, бесполезный. Твоей жене не повезло с таким мужем.

Мужун Чуи холодно фыркнул и развернулся, уходя прочь.

Цзян Есюэ не отреагировал на его слова, продолжая сидеть на земле и погрузившись в свои мысли.

Земля была ледяной, а он был совершенно не в силах встать. Несмотря на то, что он справился с ядом, действие его еще не прекратилось, духовные каналы оставались заблокированными. Да даже если бы он мог ими пользоваться, единственное, что ему оставалось — передать весточку Старику, чтобы тот прислал двойника.

Ведь во время потасовки Мужун Чуи с бандитами его кресло было разбито. Без него он не мог сдвинуться с места, даже с магией.

Раньше он мог хотя бы опираться на трость, но сейчас все было иначе — он стал окончательно беспомощным. Это была цена, о которой предупреждал Старик.

Бандиты, получив отпор от Мужун Чуи, вряд ли вернутся в ближайшее время, но место было глухим, и помощи ждать было не от кого до самого рассвета.

А двойник... неизвестно, развеялся ли он или просто исчез. Связи с ним не было.

Однако прошло совсем немного времени, как кто-то снова появился. Это был вернувшийся Мужун Чуи.

Он уже отошел довольно далеко, но вдруг вспомнил, что среди обломков видел нечто знакомое. Не будучи уверенным, он решил вернуться и проверить.

Но он никак не ожидал, что этот человек все еще здесь, в той же позе. Очевидно, он не шелохнулся с тех пор, как Мужун Чуи ушел.

Стоя поодаль, Мужун Чуи долго наблюдал за ним, но тот оставался неподвижным, словно кусок дерева. Мужун Чуи подумал: Неужели не боится, что те люди вернутся?

Подождав еще немного, он не выдержал и подошел. Не обращая внимания на Цзян Есюэ, он принялся осматривать груды обломков, в которых невозможно было узнать кресло. Вздыхнув, он понял, что не нашел того, что искал.

Собираясь уйти, он все же бросил взгляд на застывшую фигуру и бросил:

— Столько времени прошло, а ты все сидишь. Не боишься, что они вернутся?

Цзян Есюэ, словно пробудившись от сна, посмотрел на знакомую белую фигуру и выпалил, не подумав:

— Думаешь, я не хочу? Ты разве не видишь, что у меня ноги отнялись? Как ты предлагаешь мне идти?

Сразу после этих слов он спохватился и настороженно уставился на него, надеясь, что тот не расслышал.

Но Мужун Чуи услышал. Он подошел и снова присел рядом.

Цзян Есюэ, казалось, смертельно боялся его, и, забыв о своей немощи, попытался отползти назад.

Видя, как тот шарахается от него, словно от дикого зверя, Мужун Чуи пришел в ярость. Он схватил его за запястье и рявкнул:

— Я что, монстр какой-то? Чего бежишь? Я тебя съем, что ли?

Сказав это, он, видимо, вспомнил, как сам мучил его Водой Искупления, и поспешно сменил тему:

— Я же сказал, раз ты не Цзян Есюэ, я тебя не трону. Не дергайся, дай посмотрю, можно ли это вылечить.

Он с удивлением разглядывал его и спросил:

— Ведь только что все было нормально, как ты вдруг стал хромым?

Вопрос был более чем уместный.

Зная, что не справится с Мужун Чуи, Цзян Есюэ позволил осмотреть себя — все равно тот ничего не поймет.

Он «объяснил»:

— Это старая болезнь. Она давно со мной, недавно стало чуть лучше, но вот два дня назад снова обострилась.

Как он и ожидал, Мужун Чуи после тщательного осмотра лишь нахмурился — он ничего не смог обнаружить.

Мужун Чуи нахмурился еще сильнее:

— Есть ли в городе знакомые? Или где ты живешь? Я пошлю кого-нибудь передать весточку.

— Нет.

— Нет? Тогда как ты здесь оказался?

— Раньше со мной был один старик, но сейчас не знаю, куда он делся. Наверное, пошел искать кого-то. Не стоит беспокоиться, господин Мужун, скоро за мной придут.

— Прошел уже почти час, если бы искали, давно бы нашли!

— И что мне делать? Вы ведь не заставите меня ползти через весь переулок?

— Ты!

Цзян Есюэ снова успешно вывел Мужун Чуи из себя.

Но как бы тот ни злился, бросить калеку он не мог.

Из своего мешка он достал бамбукового воина. Тот коснулся земли и вырос до человеческого роста. Не дожидаясь, пока Мужун Чуи что-то скажет, Цзян Есюэ решительно отказался:

— Я лучше здесь умру, чем поеду на этой штуке! Благодарю за доброту, господин Мужун, но проявите милосердие, отпустите меня. Если я вернусь, то потрачу все сбережения, чтобы изменить это лицо до неузнаваемости.

Мужун Чуи опешил, не понимая, почему тот так боится бамбукового воина, а услышав последнюю фразу, невольно усмехнулся.

— Ты что, думаешь, я достал его, чтобы навредить тебе, или потому что ты похож на Цзян Есюэ?

— А разве нет?

— Ты! Он не причиняет вреда, он просто доставит тебя домой.

— Не надо, он опасен.

— Он не опасен. Без моего приказа он никого не тронет.

— Но в прошлый раз он изрезал мне руки до крови! Не верите — посмотрите сами, раны еще не зажили.

— Ты... как такое возможно?!

Мужун Чуи поначалу думал, что Цзян Есюэ капризничает, но когда тот показал ладони, застыл в изумлении.

На руках действительно были глубокие, болезненные порезы. Он не мог понять, как это вышло — бамбуковый воин подчинялся только его приказам.

Теперь он наконец понял, почему этот человек при виде него вел себя как при встрече с чудовищем.

В сердце шевельнулось чувство вины.

Цзян Есюэ видел, что Мужун Чуи погрузился в раздумья, и обрадовался — теперь-то он точно уйдет.

Но он снова недооценил Мужун Чуи.

— Эй! Мужун Чуи, что ты делаешь? Отпусти меня!

Как раз когда Цзян Есюэ решил, что тот сейчас уйдет, Мужун Чуи внезапно подхватил его на руки. Цзян Есюэ инстинктивно обхватил его за шею, но тут же почувствовал неловкость. Не зная, как поступить, он лишь в ярости кричал, требуя, чтобы его поставили на землю.

<http://bllate.org/book/22459/2362189>